Школа по имени Европа

Адольф Мушг (р. 1934) – известный швейцарский писатель и литературовед, лауреат многих литературных премий. Социал-демократ по партийной принадлежности, он был членом комиссии по пересмотру швейцарской конституции; преподавал в университетах Германии, Японии и США. В марте 2007 года Мушг выступил на совещании министров образования стран Евросоюза с докладом на тему «Европа – ее ценности, ее будущее», текст которого с незначительными купюрами был опубликован газетой «Нойе цюрхер цайтунг».

В романе Роберта Музиля «Человек без свойств» повествуется о подготовке государственного празднования юбилея императора Франца Иосифа, причем некий комитет занимается поиском специфических «ценностей», которые по этому поводу могли бы служить к украшению придунайской монархии. Один из самых явных иронических аспектов этого проекта заключается в том, что сроки его осуществления совпадают в 1918 г. с моментом краха самого объекта торжеств. Глубинный смысл авторской иронии состоит в том, что роман, по сути, выдвигает вопрос совести современной цивилизации: каковы на самом деле ценности, для сохранения которых ее представители готовы жить и умереть?

В иные эпохи на подобные вопросы отвечала религия, и для нее речь вообще не могла идти о «ценностях». Ее каталог добродетелей и прегрешений был постепенно – хотя и не окончательно – изъят из употребления западной цивилизацией, причем ключевую роль сыграло в этом процессе либеральное евангелие от Адама Смита. Ему удалось, как известно, обнаружить «тайную руку Провидения» как раз в средоточии всех смертных грехов – природном эгоизме. С тех пор в системе западных ценностей не остается камня на камне. Они выглядят, так сказать, бесполезными затычками, хотя Просвещение и обрядило их в воскресное платье в виде прав человека и гражданина. В повседневной практике от них мало проку – могут ли они послужить основанием для самого притязательного государственного образования в истории, для Европейского Союза? Так называемый плюрализм ценностей оказывается на деле благодатью сомнительного свойства – тем более что люди, еще не утратившие религиозность, видят в нем релятивизм, а в крайних случаях и богохульство. В самой универсализации ценностей, которые представляются неприкосновенными, сокрыт червь подозрения в колониальных поползновениях.

Дилемма ценностей

Для начала хотелось бы обратиться к «Размышлениям о мировой истории» Якоба Буркхардта, которого – в отличие от абсолютного большинства его немецких коллег по

историческому цеху в XIX веке – невозможно заподозрить в спекулятивности. Не случайно его единственная лекция типологического характера была опубликована лишь посмертно. «Размышления о мировой истории» представляют собой системную теорию *avant la lettre*, развитую эмпирически, однако антропологически фундированную, и они имеют в отношении рассматриваемой темы то преимущество, что представляют дилемму ценностей во всей ее объемности.

По убеждению Буркхардта, исторические общественные образования всегда и повсеместно формируются под действием трех сил, которые он именует «потенциями» – это религия, государство и культура. Две потенции, религия и государство, склонны к инерции и служат предпосылкой или гарантией стабильности. Третья потенция, обозначенная как культура, сохраняет подвижность, она представляет собой пространство, ничуть не менее необходимое человеку, чем внутренняя и внешняя безопасность. Без потенций государства и религии общество не может *существовать*; без потенции культуры оно *не живет*, не только индивидуум не реализует свой потенциал, но и общество не сознает себя как таковое, как предпочтительное сочетание его самостоятельных членов. По слову Буркхардта, «дух – это крот», и коль скоро остальным потенциям принадлежит безусловное право голоса, они трактуют его соответственно: государство – как предателя, религия – как вероотступника.

Любые подвижки истории являются результатом столкновения этих потенций, и только благодаря этому столкновению она движется, становится историей. В самом благоприятном случае всем трем потенциям удается добиться временного, весьма неустойчивого равновесия. Однако если обратиться к актуальному случаю, свобода имеет свойство превращаться в силу, которая – и это одна из немногочисленных аксиом у Буркхардта – сама по себе является злом, или, говоря не столько на языке морали, варварством. В качестве соответствующего примера уже в «Размышлениях» появляется новая мировая экономика. По своему происхождению она является созданием свободы, однако в абсолютизированном виде тираном, неотличимым от прочих, а для равновесия цивилизации вероятно и более фатальным, чем прочие, поскольку приводит в тенденции к распродаже тех ценностей, которые худо-бедно оберегались государством и религией.

Согласно Буркхардту, залогом счастья (и это отнюдь не утопия, а урок каждодневной культурной работы) служит такая модель, при которой каждая потенция исключительно при наличии двух других и в вынужденном взаимодействии с ними обретает свою облагороженную форму:

- государство, соблюдающее пределы власти, осуществляет функцию разумного управления;

- вера как дело личное становится искренней;
- культура в своей автономности достигает репрезентативных масштабов.

Условием возникновения столь отвечающего человеческому достоинству равновесия является пробуждение некой присущей всем трем потенциям формирующей силы, которая должна взять на себя управление цивилизацией. Этим элементом является у Буркхардта, коротко говоря, *искусство*: в политике это искусство государственного управления, в религии – допустимое многообразие, в культуре – искусство жизни. Ключом к такому направлению развития обладает сила, которая носит по преимуществу характер общественный, т. е. культура. Она не способна управлять или вселять веру и, тем не менее, служит пробным камнем всех свобод, поскольку ее сфера самого взыскательного и именно цивилизующего свойства: многозначность человеческого существования вкупе с его автономностью.

Взгляд без иллюзий

Идеальный вариант модели Буркхардта можно обозреть на одном квадратном километре площади: на афинском Акрополе. На вершине холма святилище городского божества, на южном склоне театр Диониса и, наконец, на северном склоне агора, арена демократии – по сей день самый эффективный вклад Афин в европейскую цивилизацию. Здесь, как на любом другом рынке мира, торговались из-за цен на товары и одновременно, в отличие от всех других рынков, спорили о ценности, о ранге вещей. Здесь люди, узнавшие из трагедий, что человеку ничем нельзя помочь, учились помогать себе в роли *граждан*.

При этом взгляд Буркхардта лишен иллюзий, как и взгляд его античного учителя, Фукидида. Как хронист Пелопоннесской войны он знал, что Афины ее проиграли, но поскольку он рассматривал ее как гражданскую войну, на примере которой можно было изучать причины – и поводы – войн в целом, его наблюдения не пропали втуне. В его глазах Афины были далеки от того, чтобы считаться лучшим из миров, тем не менее, они впервые обеспечили своим гражданам свободное развитие их сил. Жизнь здесь была – как сказано в речи на смерть Перикла – прекрасна, поэтому у Фукидида Перикл называет Афины «школой» для всей Греции; для Буркхардта они были школой человеческой цивилизации. Вот пример одного из уроков этой школы: великий трагик Софокл пожелал быть упомянут на своем надгробном камне не как создатель Антигоны, а как солдат в войне против персов. С другой стороны, его старший коллега Эсхил посвятил этим самым персам трагедию, совершенно свободную от духа триумфаторства. Участь врага вызывает в ней потрясение и уважение. Чего здесь больше – политики, религии или культуры? В нерасторжимом единстве они являют собой искусство полиса.

Космополитизм

До 1945 года подобные достижения в Европе ограничивались сферой специализированной культуры; образы мирной, объединенной Европы считались игрой воображения визионеров и мечтателей. Начиная с 1945 – и с 1989 года – работа над созданием «полиса Европы» стала конкретной и совместной задачей, которая предъявляет совершенно новые требования ко всем «потенциям» Буркхардта – и ко всем потенциалам европейцев. Более чем вековая гражданская война, расширившаяся до масштабов мировой, до масштабов цивилизационной катастрофы, заложила страшную, но и вселяющую надежду основу для развития, единственной альтернативой которого было низвержение в бездну.

Необходимо помнить, что политическая Европа не просто консолидировалась ввиду этой роковой угрозы, но и по-прежнему живет под ее знаком, хотя облик Европы и изменился под ее воздействием. Счастливая полоса для нынешнего союза закончится, если он не найдет в себе сил и воли ответить на вызов глобализированной экономики созданием космополитической цивилизации, которая обеспечит участие в ней всех буркхардтовских потенций в невиданном доселе равновесии. Такой ответ должен быть не только *выносимым* для граждан – лишь они сами в состоянии обеспечить его *износоустойчивость*. Таков эпохальный фон дебатов о «ценностях». Европе нет надобности изобретать ценности заново, и она не имеет права единолично их узурпировать.

Чтобы дать приблизительное представление об этих ценностях, необходимо остановиться на различиях между глобализацией и космополитизмом. На классической агоре место для собраний и рынок были тесно связаны и одновременно разделены невидимой чертой: она отделяла сферу мирской суеты от сферы принятия политических решений. Человек-клиент существует в одном пространстве, человек-гражданин в другом. И цены на товары, и ценность вещей устанавливаются в диалоге, однако обсуждение вопросов купли-продажи служит удовлетворению нужд и потребностей – здесь царит, можно сказать, неограниченно природа. Политический же дискурс делает выбор между потребностями и потому должен быть способен возвыситься над ними и освободиться от непосредственных интересов.

Различение природного «царства необходимости» и духовного, – определяющего для культуры, – «царства свободы» с самого начала имело конституирующее значение для европейской мысли. Классическая античность дала ему философское, христианская вера религиозное, Просвещение моральное обоснование. Вкупе они обеспечивают космополитическое измерение, «глубину» общественной культуры.

Проиллюстрировать эти рассуждения можно на примере античного изречения, которое принято толковать неверным образом. У Сенеки оно звучит так: «Не для жизни мы учимся, а для школы». Это значит, не для необходимейшего и насущного, за что в ответе рынок, но что слишком скудно для потребностей полиса – даже если это представляется благополучием. Учиться, т. е. образовывать себя, нужно для «школы», s-cholē, что на греческом означает «досуг» – иначе говоря, для умения правильно, искусно пользоваться свободой, в том числе свободой от потребностей, которую продемонстрировал на агоре Диоген, когда высказал Александру Великому единственное желание, чтобы тот не заслонял ему солнце.

Свобода как цель не значится в отпускных планах или памятках для шопинга, но она составляет основу общности, жить в которой не только комфортно и безопасно, но и прекрасно. Понятие красоты присутствует в элементе «космос» составного слова «космополитический». Здесь даль и ширь наших естественных потребностей соседствует с глубиной наших требований к цивилизации, но отнюдь не совпадает с последними и противится завоеванию культуры рынком – со всей решимостью свободы. Тот, кому неведома эта свобода, дикарь, тот, кто ее отрицает, варвар, тот, кто ограничивает ее рынком, невежественный обыватель – это три разновидности искушений, ведущих к утрате собственной сущности, от которых Европа должна защищать потенциал своей цивилизации. Потому что на карту поставлено драгоценнейшее ее завоевание – охрана оправданного, допустимого, гармоничного многообразия.

Как может выглядеть действительность в противном случае, вернее, как ей следует выглядеть, поборники глобализации демонстрируют нам в образе «плоского мира» – так, например, лауреат Пулитцеровской премии Томас Фридман. Этому «плоскому миру» должно принадлежать будущее – перспектива парадоксальная, поскольку она рассчитана на то, чтобы буквально сплющить пространственно-временной сосуд человеческого существования, как если бы основа последнего, его привязанность к пространству и времени, была единственным препятствием в «погоне за счастьем». Признаки деформации и выхолащивания культурной практики – а они без труда совершаются под лозунгом «коммуникационной» или «научной» эпохи – уже не позволяют считать чистой игрой воображения такую свободу, которая сулит шагнуть за грань конечности и тем самым тривиализирует сопротивление трения, присущее любой цивилизации: сознание смертности.

Историческая память

В таком «плоском мире», конечно же, нет места Европе как политическому, культурному и религиозному завоеванию. Потому что Европа базируется на незыблемости существования пространства и времени, на ответственности за то, что происходит здесь и сейчас. С утратой памяти она лишается, вместе со своей идентичностью, и сомнений в себе; если она хочет иметь будущее, она не может отречься от собственного происхождения из глубины веков, от неудобных фактов своей истории. Они остаются обязательной школой ее свободы. Кто обещает освободить от них Европу с помощью технологической лоботомии, отнимает ее особый вес и то наследие – вместе с варварским приданым, – которое она может предложить мировой цивилизации. Если говорить о ценностях, европейских ценностях, на первом месте должно оказаться, пожалуй, отношение к границам – а оно начинается с признания собственных границ.

Евросоюз воистину являет собой образование в широких пределах. Но ведь о том, что оно когда-либо осуществится в этих границах, по-прежнему требующих признания, столетие назад мечтали только утописты – и даже двадцать лет назад в это не верил ни один реалист. Тем не менее, сегодня двадцать семь упрямых национальных государств сплотились в сообщество, которое хотя и продолжает еще искать путь к общей конституции, однако на «рабочем» уровне конституировалось на удивление основательно, и именно на этом уровне что ни день по-прежнему находит достаточно причин сомневаться в собственной устойчивости. Порожденное уловкой разума, а теперь настоятельно требующее от своих создателей истинного ума, вернее даже, мудрости, это творение дает неисчерпаемый учебный материал для «школы», о которой говорил Сенека.

По материалам *Neue Zürcher Zeitung* (Швейцария). – 2007. – 14–15 April.